

Он был молод, и смелости ему действительно не хватало, но характер имел упрямый, с юношеской страстью сохранять лицо. Обычно он изо всех сил старался казаться храбрым, и лишь подземная гробница на острове Могильный Холм оказалась ему не по силам, обнажив его истинную натуру.

В отличие от него, Лу Шицзю с малых лет видел то, что не видели обычные люди, и привык ко всякой нечисти, поэтому ничего подобного не боялся.

Нынешний Няньци унаследовал характер Шицзю, оттого и вёл себя так невозмутимо.

Но пока он сохранял спокойствие, а Цзян Шинин, получив колкость, притих, хуже всего пришлось Каменщику Чжану.

Услышав, что Цзян Шинин тоже привидение, он совсем сник. Уставившись выпученными глазами, он с трудом обвёл взглядом повозку — всего в ней ехало пятеро «людей», и, кроме него самого, все остальные были нечистью. А впереди идущие повозки, и возницы, и лошади — тоже ни одной живой души...

Боже правый, что за жизнь такая!

Каменщику Чжану захотелось плакать. Он обхватил грелку для рук, съёжился и изо всех сил прижался к стенке, словно надеясь, что если вжаться посильнее, его пухлое перепелиное тело расплющится и станет менее заметным.

— Ещё кое-что... — не отрываясь от занавески, произнёс Сюэ Сянь. — Подождём, пока повозка проедет чуть дальше.

Пока они разговаривали, весь караван немного продвинулся вперёд. Груда камней, которую раньше видели лишь вдали, постепенно приближалась, вот-вот они поравняются с ней. Когда их повозка окажется прямо над обломками, можно будет спрыгнуть вниз, легко спуститься по краю обрыва на уровень ниже и приземлиться прямо на камни.

Но чем ближе они подъезжали к завалу, тем беспокойнее становились лошади. Слышались то уговоры, то окрики шрамолицего — может, это лишь казалось, но в голосе его звучало всё больше раздражения. Повозки впереди тоже уже не были так тихи, как прежде, оттуда доносился сдержанный гул голосов.

Такая атмосфера никак не способствовала успокоению.

— А вдруг им взбредёт в голову выглянуть и посмотреть на дорогу внизу? — не выдержал Цзян Шинин.

— Нет, — коротко ответил Сюань Минь.

Он всегда изъяснялся лаконично, редко что-либо объясняя, и говорил лишь самое главное. Такая безапелляционная манера сейчас действовала успокаивающе, ибо не оставляла места сомнениям.

Цзян Шинин немного успокоился, зато Каменщик Чжан невольно спросил:

— Почему ты так уверен?

— Потому что они сами боятся! Хватит задавать вопросы, — Сюэ Сянь, не отрывая глаз от

занавески, даже не взглянул на него, отрезал со своей привычной язвительностью:

— Похоже, у тебя во всём теле только язык и не жирный — шевелится часто, отрезать да под вино самое то.

Под вино...

Сюань Минь нахмурился: «...»

Этот господин не только язвил, но и норовил оскорбить заодно всех окружающих.

Он скользнул взглядом по занавеске, другой рукой похлопал Сюэ Сяня по плечу:

— Я выйду.

Сюэ Сянь удивился, повернулся к нему:

— Ты сам?

Сюань Минь кивнул: лучше сойти, чем сидеть в повозке и то и дело слушать, как некоторые изрекают такое, о чём лучше не задумываться — от таких речей и на десять дней есть расхочется.

— Успеешь? — прищурился Сюэ Сянь. — Повозка идёт еле-еле, но всё же круг невелик.

Сюань Минь слегка надавил ему на плечо, заставив отодвинуться от полога и вернуться на своё место, чтобы не мешать. Затем он снял с пояса связку медных монет и шагнул через Сюэ Сяня.

Он был высок, а потолок повозки — низок, поэтому ему пришлось слегка согнуться, опереться на руку, которую держал Сюэ Сянь, и лишь тогда выйти. Его монашеская ряса мелькнула у двери, словно промелькнувший вихрь со снегом, и исчезла.

Прижавшийся к стенке Каменщик Чжан на мгновение застыл, затем откинул полог. Белая, словно облако, фигура уже соскользнула с края обрыва — бесшумно, не сдвинув ни единого камешка.

Все в повозке были потрясены этим возвышенным поступком Сюань Миня. Все, кроме Сюэ Сяня...

Тот фыркнул: ничего, мол, так себе, чуть похуже него самого.

Хотя он так думал, всё же перебрался на место Сюань Миня, приподнял полог и устремил взгляд на его действия на дороге.

Сюань Минь уверенно встал на вершине каменной груды, ступив на острый выступ размером с ладонь, и ни один камень даже не дрогнул. Он поднял глаза к скале — между верхним и нижним уровнем дороги зияла огромная выемка, отчего верхний ярус казался шатким, готовым рухнуть при малейшей дополнительной нагрузке.

Недостающая часть теперь лежала у его ног. Эти камни, самые крупные — почти в человеческий рост, обрушились сверху внезапно. Даже железную повозку такой удар искалечил бы, не то что деревянную.

Кроме отдельных обломков кузова и клотьев синей ткани полога, всё остальное было намертво

придавлено глыбами и, вероятно, уже утратило форму. Даже если бы людей откопали, целыми они бы не были.

Сюань Минь немного подумал и принял решение.

За его движениями наблюдал не только Сюэ Сянь. Каменщик Чжан и Цзян Шинин тоже прильнули к окну, и даже Лу Няньци не удержался и высунулся.

— Чего шею вытягиваешь? — Сюэ Сянь бросил на него взгляд и раздражённо спросил:

— После нескольких дней сна зрение прояснилось?

— Спасибо за заботу, — безразлично ответил Лу Няньци. — Но, к несчастью, стало ещё хуже.

Чем хуже он видел, тем ближе была слепота, а воспринимал он скорее энергетические очертания, которые от природы не были чёткими.

Вообще-то Сюэ Сяню было любопытно: ему, чьё от природы зрение куда острее человеческого, трудно было представить, как выглядит мир в глазах Лу Шицзю... или нынешнего Лу Няньци.

— С такого расстояния ты вряд ли отличишь человека от скотины, — мимоходом бросил Лу Няньци, описывая своё зрение.

Вот только...

Звучало это не как человеческая речь, а скорее как завуалированная колкость.

— Ну ты даёшь, — Сюэ Сянь коротко хмыкнул и вновь устремил взгляд на Сюань Миня.

С его позиции и при его зрении он мог разглядеть каждое движение.

Говорят, клинки, особенно легендарные демонические мечи, нужно пробуждать кровью. Пробудившись, они становятся остры, как зимний лед, способны рассекать ветер и воду. Медные монеты Сюань Миня не имели ни лезвия, ни острия, но почему-то тоже требовали крови для пробуждения.

Сюэ Сянь увидел, как тот снова сделал надрез на пальце и провёл окровавленным кончиком по краю монеты.

Раздался низкий гул, и монеты словно ожили, слегка завибрировав, издав в ветре и снегу протяжный, призрачный звон. Услышав этот звук, Сюэ Сянь слегка поморщился — в ушах защемило.

Сюань Минь расположил пять монет на левой ладони по сторонам света — восток, юг, запад, север и центр — затем достал из-за пазухи несколько листов жёлтой бумаги для талисманов, но на них не было никаких узоров.

Он наклонился, сложил бумагу и положил по листу на камни в направлении четырёх сторон света. Затем начал вращать на ладони монеты, соответствующие каждому направлению, его бледные губы чуть приоткрылись — казалось, он произносил короткое заклинание.

Скорее даже не целую фразу, а одно краткое слово.

Монеты, просто лежавшие на ладони, словно вросли в неё и с трудом поддавались вращению.

Произнеся это слово, похожее на санскритский слог, Сюань Минь медленно повернул восточную монету. И в процессе на восточном талисмানে проступили тонкие кровавые линии — словно невидимая рука, обмакнув кисть в киноварь, выводила символ.

Замысловатый узор был начертан единым духом и завершился, когда монета совершила пол-оборота.

Затем южная;

Потом северная;

И, наконец, западная...

В миг, когда четвёртый талисман был завершён, с земли поднялся ураганный ветер, ревуший, как тигр, воющий, как волк. Густой войлочный полог затрепетал под его напором, захлопав, словно на ветру, и шлёпнул Каменщика Чжана по лицу несколько раз.

— ... — Каменщик Чжан почувствовал, что ему действительно не везёт. Он вытер слегка болезненно занывшее лицо и откинул полог целиком. Тут же окно оказалось открыто всем ветрам, и внутрь хлынули леденящий холод и колкий снег.

<http://bllate.org/book/16289/1468065>